

София
Нэш

Скандальная
репутация

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н95

Серия «Очарование» основана в 1996 году
Sophia Nash

A DANGEROUS BEAUTY

Перевод с английского *А. Ф. Фроловой*
Компьютерный дизайн *Е. А. Коляды*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
The Fielding Agency и Andrew Nurnberg.

Нэш, София.

Н95 Скандальная репутация : роман /
София Нэш ; [пер. с англ. А. Ф. Фроловой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. —
(Очарование).

ISBN 978-5-17-093054-8

Розамунда Берд, оказавшись в центре чудовищного скандала, вынуждена принять предложение вдовствующей герцогини погостить в ее уютном сельском имении. Что ж, по крайней мере прелесть деревенского уединения сможет заменить Розамунде полный искушений лондонский свет, где так легко гибнут репутации! Однако если дьявол хочет найти себе жертву, то найдет. Именно в особняке герцогини Розамунда встречает опасного губителя женщин Люка Сент-Обина, герцога Хелстона. А тот постепенно затягивает ее в сети соблазна и страсти, избежать которых невозможно...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093054-8

© Sophia Nash, 2007
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Глава 1

Ожидание, сущ. Состояние ума, которому предшествует надежда и за которым следует отчаяние.

А. Бирс. Словарь Сатаны

Говорили, что Розамунда Изабелла Мария Соланж Магред Эдвина Лэнгдон получила так много имен, потому что должна была стать последним ребенком седьмого графа и графини Туэнлин. Но это только часть правды.

Граф и его супруга тщательно продумывали, как назвать ребенка, всякий раз, когда графиня собиралась очередной раз родить. Но если появление каждого из первых четырех потомков — мальчиков — неизменно встречалось с огромной радостью, удивления эти события не вызывали. На протяжении последних ста лет графство снабдило Англию сильными и здоровыми молодыми людьми в количестве, достаточном, чтобы сформировать небольшой полк. Но среди детей не было ни одной девушки.

Все сыновья нынешней графини были похожи на нее — светлые волосы, карие глаза и симпатичные веснушки на вздернутых носах.

Но граф мечтал о дочке. О девочке, чей портрет он мог носить в кармане, как большинство его

знакомых. О малышке, которая будет хихикать, наряжаться и теревить его измазанными вареньем маленькими пальчиками. О девушке, что создаст ему массу проблем, причинит море беспокойства и, в конце концов, разобьет его сердце, когда встретит мужчину, для которого ее глаза засияют ярче, чем для отца.

Поэтому, когда после долгих и тяжелых родов наконец раздался первый крик дочери, гордый отец наделил дитя длинным рядом имен, которые они с женой выбирали во время ее предыдущих беременностей. И то, что они были французскими, английскими, испанскими, итальянскими и валлийскими в честь предков Туэнлинов, не было случайным совпадением.

На следующее утро после рождения благословенного младенца граф бережно прижимал к груди хрупкое тельце и осторожно трогал черные как вороново крыло кудряшки, так похожие на его собственные волосы. Взошло солнце, и его ласковые лучи проникли сквозь высокие окна в комнату, осветив ярко-голубые глазки малышки, на которую отец взирал с откровенным обожанием.

— Они не останутся такого обычного цвета надолго, моя радость. Я съем собственную шляпу, если эти звездочки уже к следующему лету не приобретут настоящие валлийские цвета Лэнгдонов. — В какой-то момент сердце графа сжалось. Глядя в ясные очи крошки, которые определено в самом ближайшем будущем приобретут цвет дымчатого аквамарина, характерный для многих поколений Лэнгдонов, ему показалось, что он знал свою доченьку всегда. Их души были обречены стать неразрывно связанными.

Вся домашняя челядь, да что там — все графство праздновало счастливое событие. А временно позабытым сыновьям оставалось только недовольно ворчать и жаловаться.

Никто не сомневался в том, что графиня, несмотря на хрупкое здоровье, оправится после родов. Ведь она знала свою главную обязанность — быть мате-

рю. Так и случилось. И граф наотрез отказался слушать увещания докторов, когда леди Туэнлин вскоре снова оказалась в положении. По истечении известного срока она вновь подарила семье девочку, которой дали только одно имя — ее матери, поскольку больше родовых имен не осталось. Черноволосая кареглазая Сильвия Лэнгдон явилась на свет в тот самый день, когда графиня, которая больше ничего не могла дать этому миру, удалась в иной.

Все домочадцы, вознося молитву Господу, ждали, чем же кончится борьба графини со смертью. Вскоре несчастная испустила последний вздох, сломленная послеродовой горячкой. Граф, преданно любивший супругу, перенес всю свою любовь на детей и не искал новую спутницу жизни. По его мнению, существовало слишком много примеров, когда вторая жена становилась злой мачехой детям.

Посему граф избрал затворнический образ жизни, посвятив всего себя заботам о своей земле и о детях. Его сыновья и дочери пользовались безраздельным вниманием отца. Они вместе гуляли среди таинственных круглых камней, которых было так много в окрестностях их корнуоллского дома в Эджкумбе. Дела в поместье шли хорошо, и дети полюбили деревенскую жизнь. О городе они не знали ничего.

Это был истинный рай.

Если ребяташки и замечали, что Розамунда занимает особое место в сердце отца, то предпочитали не обращать на это внимания. Дело в том, что девочку невозможно было не любить. Она, конечно, могла притворяться совершенной юной леди, если ее принуждали к этому обстоятельства. Но вместе с тем ни у кого не было большей, чем у нее, тяги к приключениям и всяческим авантюрам, что вызывало уважение даже у старших братьев. Розамунда всегда была готова принять участие в любых, даже самых отчаянных, эскападах, будь это лазанье по деревьям, скачки на лошадях или забавы с настоящим оружием. Чем опаснее, тем лучше.

И если братьев выводило из себя то, что сестра неизменно оказывалась лучшей — обгоняла их в скачках, быстрее плавала и даже лучше стреляла по мишени, — они прятали это под маской юношеской самонадеянности и задиристости. Благодетельство Розамунды — единственная черта, унаследованная ею от матери-англичанки, было целебным бальзамом, помогавшим залечивать раны, нанесенные мужской гордостью. Благодетельство и ее вокальные данные. Все отпрыски графа были от природы музыкальными, особенно Финн и Сильвия, но только Розамунда умела петь.

О, какой у нее был голос! Почти каждый вечер семейство собиралось в большом зале. Отец садился за фортепиано, Сильвия — за арфу, братья играли на других музыкальных инструментах, а Розамунда пела валлийские баллады о любви и разлуке.

У девочки была лишь одна отрицательная черта. Граф называл это «тупым упрямством», наотрез отказываясь признать, что сам унаследовал его от волевых, решительных и горячих предков, в душах которых всегда кипела всепоглощающая страсть. Английское спокойствие и уравновешенность плавилась и растворялась, не выдержав накала. Но у этого свойства были и положительные стороны. Когда Лэнгдон любил, в его чувстве уж точно не было ничего заурядного и пресного.

Розамунда росла и постепенно превратилась из очаровательной малышки в долговязого нескладного подростка. Примерно в это время она поняла, что охотно променяла бы всю свою импульсивность и резвость на холодную невозмутимость, которой в избытке обладала Сильвия, — на лице Розамунды всегда можно было прочитать все ее эмоции.

Первое облачко на ее горизонте появилось, когда девочке исполнилось пятнадцать лет. Тогда Розамунда поняла, что мальчики — это не только кулаки и язвительные насмешки. Это открытие явилось в виде довольно красивого представителя сильной половины человечества — лорда Самнера, старшего сына герцога

Хелстона, семья которого жила в Эмберли, большом замке по соседству. Его младший брат в это время отсутствовал — кажется, отправился на войну.

Герцогского наследника Розамунда заметила на танцах в деревне, и в первый раз в жизни потерпела поражение. Полное и окончательное. Как она ни старалась завоевать внимание двадцатилетнего молодого человека, он оставался слепым и глухим к ее ухищрениям, явно увлеченный другими девушками, в первую очередь Августинной Фелпс, первой красавицей графства.

Но только Розамунда не привыкла сдаваться. Упрямства ей было не занимать, и она была буквально одержима извечным женским стремлением повести своего избранника по правильному пути. Даже если к нему придется применить физическое воздействие.

Розамунда плюхнулась на кушетку в своей спальне. После утомительной утренней псовой охоты и позднего завтрака в поместье герцога Хелстона ей было необходимо поговорить с сестрой.

— Сильвия, это ужасно! — Розамунда швырнула непришпиленную шляпку, украшенную лихо торчавшим пером фазана, на кровать. — Он на меня совершенно не смотрит. Вернее, смотрит сквозь меня, словно я бесплотный призрак.

Сильвия бросилась вперед и схватила шляпку.

— Разве ты не знаешь, что шляпа на постели — к несчастью?

— Кажется, мне всегда и во всем не везет. — Розамунда горестно покачала головой. — О, Сильвия, помоги мне! Что мне делать? Ты лучше разбираешься в подобных вещах, чем я.

— Это не...

— Я слышала, Аги сказала, что я похожа на ведьму — и волосами, и фигурой.

Сильвия вздохнула.

— Что ж, наши волосы и в самом деле нельзя считать роскошными, но все остальное, что гово-

рит эта злая девчонка, — сущая ерунда. Папа не без причины называет тебя своей Опасной красотой, а за твой рост я бы отдала все на свете.

— Между прочим, она назвала тебя прекраснейшим небесным ангелом, — сообщила Розамунда, а Сильвия постаралась скрыть улыбку. — Так что теперь ты, пожалуй, скажешь, что она совсем не такая уж злая.

Личико Сильвии озарилось улыбкой, и обе девочки расхохотались.

Розамунда вытерла выступившие от смеха слезы.

— Ну по крайней мере Генри наконец заговорил со мной за завтраком.

— Ах, он уже Генри? — Глаза сестры были темными и круглыми, как полпенсовые монеты. — И что же он сказал?

— Он похлопал меня по плечу и поздравил с удачным взятием препятствия. Речь шла о глубокой траншее в Пенхоллоу. А потом появился наш брат и все испортил.

— Который?

— Финн. Он подошел к нам и сказал, что я выгляжу как пестрая курица, потому что у меня все лицо заляпано грязью. Я же не знала об этом, — уныло вздохнула Розамунда.

— Ох, Эдвина. — Сильвии очень нравилось называть сестру этим именем — вероятно, потому, что оно нравилось Розамунде меньше остальных. Девочке всегда казалось, что портрет графини Эдвины в семейной галерее смотрит на нее с неммым укором, словно Сильвия недавно провинилась и сумела улизнуть безнаказанной. Графиню явно раздражало, что она вынуждена оставаться на картине и не имеет возможности проучить негодницу.

— Хуже того, потом Фитц, Майлз и Джеймс — все обернулись, чтобы посмотреть на меня, и начали смеяться. А Финн опередил Генри, который хотел дать мне платок, и протянул свой, и теперь мне даже нечего положить вечером под подушку. — Розамунда вздох-

нула и полным драматизма голосом изрекла: —

Да, знаю, я смешна. Пошли отсюда, здесь жарче, чем в аду. Давай поплаваем.

Так продолжалась жизнь. Много планов и мало результатов. Детские эмоции пятнадцатилетней Розамунды медленно, но верно сменялись женскими.

Следующий год оказался еще хуже, потому что семейство герцога отбыло на лето в Брайтон, где пользовалось особым покровительством принца-регента.

Но еще через год, в июне, Розамунда получила на день рождения подарок, о котором могла только мечтать, — возвращение клана Хелстонов. Среди прочих, конечно, был лорд Самнер.

Юная девушка еще не знала, что своих сокровенных желаний, тайных мечтаний необходимо опасаться именно потому, что они могут исполниться. Впоследствии Сильвия клялась, что Розамунда ни на что не обращала внимания и даже игнорировала силу предрассудков, а ведь все знают, что в Корнуолле больше магии, чем святых в раю.

Желание Розамунды видеть лорда Самнера тем жарким летом было неослабным. Но всякий раз, оказываясь рядом с ним, девушка теряла дар речи и вела себя как полная дуручка. Это приводило Розамунду в бешенство. Но что делать, если в волнистых светло-каштановых волосах Генри, часто падавших на лицо, и в чарующей улыбке было нечто заставлявшее ее сердце биться втрое быстрее. К тому же приходилось постоянно молить Господа о прощении за греховные мысли. Братья видели ее томление и издевались над сестрой как могли. Собственно говоря, так ведут себя все братья на свете.

За день до того, как все Хелстоны должны были отбыть в город, Розамунда постаралась сделать «хорошее лицо» и отнестись ко всему философски. Решив отвлечься от мыслей о лорде Самнере, она захотела прокатиться к мысу верхом, выбрав для прогулки нового, купленного отцом недавно серого жеребца-четырёхлетку по кличке Домино.

Забравшись в седло, девушка сразу пустила резвого коня в галоп. Домино птицей летел к уте-

сам Перрон-Сэндс, а всадницу охватило чувство свободы.

Лорд Самнер. Да кому он нужен? Что он значит по сравнению с ее родными и этими пейзажами, тем более когда она сидит на спине могучей лошади и намерена сполна насладиться суровым великолепием природы?

Глядя на море, поверхность которого безжалостно хлестал ветер, Розамунда неожиданно боковым зрением заметила еще одного всадника. Мужчина ехал на могучем скакуне — гнедом, с четырьмя белыми носочками. Девушка со свистом втянула воздух. Лорд Самнер.

Ну надо же! Именно тогда, когда она решила забыть о нем! Впрочем, он все равно ее не замечает.

— Хей-хо! — выкрикнул Генри и направился в ее сторону. — Графиня! Какой сюрприз! Я думал, что все леди в такой ранний час еще спят. — Лошадь остановилась и тут же нетерпеливо заплясала рядом с Домино.

Сердце Розамунды билось так сильно, что это, должно быть, можно было заметить даже сквозь одежду. Она с трудом прогнала панику и напомнила себе, что отныне этот мужчина ей безразличен.

— Я не леди, сэр, — ответствовала она.

Лорд Самнер тихо засмеялся.

Девушка почувствовала, как запылали ее щеки, и оскорбилась в лучших чувствах. Она же никогда не краснеет!

— Я имела в виду, что не принадлежу к таким леди.

— Конечно, нет, это я уже понял. Боже правый, это жеребец?

— Да, а что?

— Потрясающе! Мой Бутс готов к небольшому соревнованию, чтобы заработать свою порцию овса. Не хотите поучаствовать? Ну, скажем, до конца пляжа. — Юноша весело рассмеялся. Солнце, залив его роскошную шевелюру, высветило золотые нити в его каштановых кудрях.

Розамунда кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и состязание началось.

Мощные задние ноги мерина лорда Самнера с силой отталкивались от мягкой песчаной почвы. Но Генри весил больше, чем хрупкая Розамунда. Кони мчались вдоль утеса — иногда ноздря в ноздю, иногда один вырывался на несколько дюймов вперед, легко преодолевая встречные препятствия. На спуске к пляжу Домино оказался чуть впереди, и она сознательно нарушила основное правило взаимоотношений между мужчиной и женщиной: последние никогда не станут наносить ущерб гордости возлюбленного.

Достигнув конца песчаного берега, Розамунда обернулась и убедилась, что лорд Самнер безнадежно отстал.

— Леди Розамунда, — он склонил голову, — я признаю свое поражение. — Ах как он был великолепен, даже утратив аристократическую бледность, с румянцем во всю щеку. — Но мы забыли договориться о награде для победителя, не так ли, проказница?

Проказница? Одно этого глупого слова было достаточно, чтобы вернуть ее с неба на землю.

— Позвольте вам напомнить, сэръ, что мне уже семнадцать лет. И я выше ростом, чем многие девушки моего возраста и даже старше. Я не ребенок и не проказница.

Лорд Самнер прикусил губу, чтобы не расхохотаться, и спешил. Его сапоги оставляли глубокие следы в песке. Придерживая поводья своего коня, он помог спешиться Розамунде. Его высокий рост раздражал ее даже больше, чем снисходительная улыбка.

Генри слегка наклонил голову и усмехнулся:

— Возможно, но не думаете ли вы, что это определение относится скорее к характеру, чем к возрасту?

Глубокий бархатный голос лорда творил с ней странные вещи.

— Вашу сестру, к примеру, и Августину — мисс Фелпс, — несмотря на молодость, нельзя так назвать.

Юноша стоял очень близко к Розамунде — ближе, чем когда-либо раньше. А его взгляд — непонятный и очень смелый — лишал ее способности мыслить здраво.

Девушке хотелось обнять его за шею. Впрочем,

если быть честной, дальше этого ее желания не распространялись. Ну прижмет она его к себе, а что потом? Розамунда, конечно, чисто теоретически, знала, как люди целуются, но что при этом происходит с их носами? Когда одно лицо приближается к другому, в конце концов их носы непременно столкнутся. Значит, одно лицо должно быть слегка повернутым, но куда? Вправо или влево?

— Итак, мадам... — Ослепительная улыбка молодого человека завораживала. — Каким будет ваш приз?

Их губы разделяло всего несколько дюймов. Розамунда всмотрелась в глаза своего кумира и с трудом проглотила вставший в горле комок.

— Поцелуй, — чуть слышно прошептала она и тут же закрыла глаза от смущения. Неужели она действительно предложила мужчине поцеловать ее? Она с опаской приоткрыла один глаз, опасаясь увидеть на физиономии Генри откровенную насмешку.

Но лорд Самнер и не думал смеяться. Его брови удивленно приподнялись, а щеки вновь окрасились румянцем — или это ей показалось? Он неуверенно подался к ней, но она оказалась быстрее. Обхватив мужчину за шею, Розамунда коснулась его губ легким поцелуем.

— О, вы так добры, леди Лэнгдон. Я, конечно, счастлив, — пробормотал он и ослабил узел на шейном платке, — но вы должны знать, что мое сердце...

Ну, что там было с его сердцем, еще вопрос, но вот сердце Розамунды провалилось куда-то в живот. Девушка отпрянула, не желая больше ничего слушать. Она ласточкой взлетела в седло, хотя позднее так и не поняла, как это у нее получилось без посторонней помощи. Но ей необходимо было убежать — как можно быстрее и как можно дальше. Зализывать раны предпочтительнее в одиночестве.

Генри — а для нее отныне и впредь только лорд Самнер — был влюблен в кого-то другого. Он считал Розамунду забавным ребенком, и не более того. Нет, она никогда в жизни больше не попадет в столь унижительное положение!

По крайней мере юная графиня так думала.

Розамунда неторопливо ехала от границ земель герцога к своему любимому поместью Эджкумб, ощущая острую жалость к самой себе, такой несчастной и униженной. Но по мере приближения к дому это ощущение сменилось не менее острым недовольством собой. С чего это она так разнюнилась?

Боже правый, сколько раз ей приходилось видеть, как собственные братья глупеют и совершают дурацкие поступки из-за состояния этой самой любви? Но ведь это чувство должно быть взаимным и делать людей лучше, а не превращать их в тупоумных кретин! Правда, то, что она испытывает к Генри, конечно, значительно сильнее, чем мелкие страстишки братьев. И она не совершила ничего предосудительного.

Но в глубине души Розамунда отлично понимала, что это не так.

Она повела себя даже более неумно, чем эти безмозглые мальчишки.

Утешало лишь то, что Розамунда по крайней мере сможет сыграть роль мудрой старшей сестры, когда Сильвия, влюбившись без памяти, явится поплакать у нее на плече.

На полях созрел богатый урожай. Началась уборочная страда. Розамунда въехала на отцовские земли, стремясь очутиться подальше от того места, где ее постигло первое в жизни глубочайшее разочарование. Она молча передала жеребца старшему конюху Джонсу, который был занят сложным процессом полировки украшенного гербами семейного экипажа.

— Леди Розамунда, вы пропустили все визиты. Приходил епископ и обе мисс Смитамс. Да и ваш отец уже вернулся из города.

Девушка вздрогнула, искренне надеясь, что сумеет избежать встречи с тремя самыми большими сплетниками во всем Сент-Ивзе, Пензансе и Лэндс-Энде.

Заметив гримасу отвращения, появившуюся на физиономии леди Лэнгдон, Джонс усмехнулся:

— Не беспокойтесь, мисс, они уже ушли. Епископ не мог задерживаться. Его призывали важные приходские обязанности. — Конюх закашлялся, и Розамунда могла поклясться, что он пробормотал: — Или очередная никчемная говорильня, если хотите знать мое мнение.

Девушка немного полюбовалась ма́стерской работой Джонса и поспешила к задней двери в дом. Вскоре она оказалась в своих покоях рядом со столиком для умывания. Чуть теплая вода смыла следы слез на запыленных щеках. Розамунда посмотрела в зеркало. В нем отражалась самая одинокая и самая несчастная леди на всем белом свете. Старшую дочь семьи Туэнлин нечасто охватывала огромная непреодолимая тоска по матери, но сейчас это было именно так. Розамунда провела пальцем по своему медальону, на котором была выгравирована роза. Внутри под тонкой золотой пластинкой с маленьким стеклышком хранилась прядь волос матери, сплетенная с ее собственными локонами. Взглянув на миниатюрный портрет леди Туэнлин, висевший рядом со столиком, Розамунда в очередной раз убедилась, что совершенно непохожа на мать.

Девушка решила, что должна поговорить с отцом. Он был единственным человеком, который поймет ее и подскажет, что делать, чтобы и дальше не выставять себя с Генри полной дурочкой. Возможно, граф предложит отправиться в путешествие или впервые совершить поездку в Лондон. Тогда Розамунда сумеет справиться со своим увлечением, уже переросшим в страсть, и вернуться к нормальной жизни. По крайней мере ей не придется беспокоиться о том, что кто-то другой может завладеть ее сердцем, которое навеки осталось где-то на Перрон-Сэндс.

С улицы донесся звон упряжи и шум колес. Любопытство тут же одержало верх над унынием, и Розамунда, прячась за плотными шторами, выглянула из окна.

Дверцы черного городского экипажа, остановившегося у входа, украшал герб Хелстонов. По бокам стояли четыре лакея в темно-красных ливреях и

массивных напудренных париках. Подобная роскошь редко встречалась вдали от Лондона. Внутри кареты, должно быть, адски жарко. Интересно, почему они не приехали в открытой коляске вместо этого похоронного ка-тафалка?

Розамунда почувствовала легкое беспокойство. Что происходит? Семейство Хелстон никогда раньше не снисходило до визитов в Эджкумб. Ее отец часто шутил, что, очевидно, граф недостаточно хорошая компания для его светлости. Тревога еще более усилилась, когда распахнулась дверца и с подножки прыгнул герцог, не дожидаясь, пока опустят ступеньки. За ним появился Генри и остановился в почтительном отдалении, словно хорошо вышколенный королевский паж.

Девушка настолько сосредоточилась на лорде Сент-Обине и его сыне, что едва заметила маленькую белую ручку, показавшуюся в дверях экипажа. Надменный герцог оглянулся и отдал какой-то приказ. Один из лакеев закрыл дверцу, и неизвестная дама осталась внутри.

Розамунда никогда не была трусихой, но сейчас боролась с необъяснимым, каким-то первобытным желанием убежать. Наверное, нечто подобное ощущает зверь, попавший в капкан и старающийся из него вырваться. Еще четверть часа она мерила шагами комнату, тщетно пытаясь привести мысли в порядок.

А потом камердинер передал ей приказ отца немедленно прийти в библиотеку. Что ж, ловушка захлопнулась. Она не посмеет ослушаться отца.

Слуги никогда не позволили бы себе открыто глазеть на членов семьи, однако Розамунда чувствовала их тяжелые взгляды, украдкой брошенные ей в спину, пока она шла мимо. Это было странно и совершенно непонятно. Ей нечего было бояться. Она не сделала ничего дурного. Поэтому, тщательно разгладив складки на своей любимой голубой амазонке, девушка постучала в тяжелую резную дверь, ведущую в библиотеку.

Получив разрешение войти, Розамунда сделала шаг вперед и сразу же оказалась под прицелом